

Джордж Мартин

Умирающий свет

ПРОЛОГ

Планета бесцельно блуждала во Вселенной – бродяга, пария, изгой мироздания.

В течение многих столетий она в одиночестве падала сквозь холодную пустоту межзвездного пространства. Поколения звезд в бесконечном хороводе сменяли друг друга на ее пустынном небосклоне, но она не принадлежала ни одной из них. Планета существовала сама по себе и лишь для себя одной. В некотором смысле она не принадлежала и галактике: траектория ее движения пронзала плоскость галактики, как гвоздь проходит сквозь деревянную крышку круглого стола. Она была частицей «ничего».

И это «ничто» уже готовилось принять ее. На заре истории человечества блуждающая планета проникла за облако звездной пыли, скрывавшее часть верхнего края гигантской линзы галактики. Дальше – лишь горстка звезд, не более тридцати, а за ними – пустота, ночь, такая длинная, какой еще никогда не знала планета-странница.

Там, в темном пространстве за завесой пыли, она впервые встретилась с людьми. Мертвыми людьми. Это случилось в самый разгар бездумной, бессмысленной экспансии Федеральной Империи Старой Земли, когда она еще не оставила своих попыток управлять всеми планетами людей, разбросанными на невообразимо огромных пространствах. Военный звездолет «Мао Цзедун», стал первым кораблем, проникшим за Покров Искусителя. Звездолет получил серьезные повреждения во время рейда к хрангам. Люди погибли, а двигатель продолжал работать в автоматическом режиме, периодически включаясь и выключаясь. Лишенный воздуха, разбитый корабль несясь по просторам Вселенной вместе с трупами людей, которые висели в его коридорах в гротескных позах и ударялись о переборки раз в столетие. Но компьютеры продолжали функционировать, приборы выполняли свою рутинную работу, старательно сканируя окружающее пространство. Когда корабль-призрак приблизился к безымянной страннице на расстояние нескольких светоминут, они зарегистрировали планету и нанесли на карты. Почти семь столетий спустя

торговое судно с планеты Тобер случайно обнаружило «Мао Цзедун» и его записи.

Но к тому времени планета была открыта во второй раз, и данные компьютеров погибшего корабля не содержали ничего нового.

Это открытие совершила Селия Марсиан. В самом начале Смутного Времени после Крушения Империи ее корабль «Призрачный охотник» кружил вокруг неизвестной планеты целый стандартный день. Планета-бродяга с ее скалами, льдом и нескончаемой ночью не заинтересовала Селию, но она любила давать имена и, прежде чем покинуть планету, нарекла ее Уорлорном. Она не объяснила, что означает это имя и почему оно было дано бродяге, но планета стала Уорлорном, а сама Селия отправилась к другим планетам и другим историям.

Следующим посетителем стал Клеромонас. В 46 году п.с.в. его исследовательский корабль приблизился к Уорлорну и снял карту его поверхности. Приборы раскрыли тайны планеты. Оказалось, что она обладает несметными богатствами. Клеромонас обнаружил замерзшие океаны и атмосферу, ожидавшие освобождения.

Говорят, что первыми высадились на Уорлорне в 97 году п.с.в. Томо и Уолберг, когда эти двое сумасбродов на пари пересекали галактику. Возможно, так и было. На всех планетах людей рассказывают истории о Томо и Уолберге, но их корабль «Спящая блудница» не вернулся. Так кто может знать, где они высаживались?

Как бы там ни было, планета Уорлорн, не имевшая звезды, никому не нужная и не интересная, заняла место на звездных картах Окраины – горстки малонаселенных миров между клубящимися облаками Покрова Искуителя и Великим Черным Морем.

Позднее, в 446 году п.с.в. некий астроном с Вулфхейма занялся изучением Уорлорна. Он оказался первым человеком, который удосужился обобщить имевшиеся сведения. Его выводы произвели фурор. Вулфхеймского астронома звали Инго Хаапала. Однажды он вышел из компьютерного кабинета в большом волнении (впрочем, подобное состояние вообще не редкость для вулфхеймца). Астроном открыл, что планете Уорлорн суждено обрести день – долгий, светлый день.

На небосклонах всех планет Запокровья – тех, что расположены за Покровом Искусителя, – ярко сияет созвездие под названием Огненное Колесо. Его чудесный свет достигает и планет в глубине галактики, даже столь далеких от него, как Старая Земля. Большая звезда в центре созвездия – красный сверхгигант, имеющий несколько названий: Хаб, Хеллей, Толстый Черт и другие. Шесть желто-огненных солнц вращаются вокруг него на одинаковом расстоянии друг от друга, словно шарики, катающиеся по желобу, в детской игре. Их тоже называют по-разному: Троянские Солнца, Чертовы Дети, Адская Корона, но как бы их ни называли, это не имеет особого значения. Сам факт существования такого созвездия вызвал огромный интерес людей. Огненное Колесо, шесть желтых звезд средней величины, покорных своему гигантскому красному хозяину, оказались самой удивительной из известных звездных систем, новой загадкой для человечества, пресыщенного старыми тайнами.

На планетах с развитыми цивилизациями ученые начали создавать новые теории для объяснения этого явления. На планетах Запокровья возник новый культ, слагались легенды об исчезнувшей расе звездных инженеров, которые умели перемещать в космическом пространстве целые миры и так соорудили себе невиданный доселе памятник. Страсти вокруг научных теорий и суеверий кипели в течение нескольких десятилетий, затем стали стихать и в конце концов угасли.

Но вот астроном с Вулфхейма Хаапала оповестил мир о том, что планета Уорлорн пройдет по плавной гиперболе вблизи Огненного Колеса, хотя и не войдет в его систему. Это означало, что планету ожидают пятьдесят стандартных лет солнечного света, затем она снова погрузится во тьму Окраины и, миновав Крайние Звезды, уплывет в просторы Великого Черного Моря межгалактического пространства.

Это были беспокойные столетия, когда планета Верхний Кавалаан и другие внешние миры начали ощущать свою значимость и растущее желание вписать свою страницу в разрозненную летопись человечества. Они понимали важность предстоявшего события. Огненное Колесо и прежде было предметом гордости Запокровья, но теперь в необыкновенной звездной системе должна была появиться еще и планета.

Уорлорн пережил столетие бурь, которые становились все неистовей по мере приближения планеты к свету: годы таяния льдов, вулканической

активности землетрясений. Замерзшая атмосфера постепенно оживала и заселялась свирепыми ветрами, завывавшими как новорожденные чудовища. Со всем этим предстояло сразиться людям Запокровья.

Планетостроители прибыли с планеты Тобер-в-Покрове, инженеры-климатологи прилетели с Даркдона, другие специалисты прибыли с Вулфхейма, Кимдисса, Эмерела, а также с Планеты Темновинного Океана. Всеми работами руководили посланцы с Верхнего Кавалаана, так как Верхний Кавалаан объявил планету-бродягу своей. Борьба со стихиями длилась более столетия, и погибшие в ней до сих пор остаются легендарными героями детей планет Окраины. Но в конце концов Уорлорн был укрощен. Выросли города, диковинные леса поднялись в лучах звезд Колеса, с других планет привезли зверей. На Уорлорне началась жизнь.

В 589 году п.с.в., когда Толстый Черт занимал четвертую часть неба планеты, а вокруг ярко сияли его дети, открылся Фестиваль планет Окраины. В первый день тоберианцы ввели в строй стратосферный экран, на котором тени облаков и солнечный свет складывались в калейдоскопический узор. Потом начали прибывать космические корабли со всех внешних планет и многих внутренних – с Тары и Даронны, Авалона и Джеймисона, а также со столь отдаленных от Запокровья миров, как Новоостровье. Старый Посейдон и даже с самой Старой Земли. В течение пяти стандартных лет Уорлорн входил в перигелий, в течение пяти следующих удалялся от Огненного Колеса. В 599 п.с.в. Фестиваль завершился.

На летевшем в ночь Уорлорне наступили сумерки.

1

За окнами вода плескалась о подпорки деревянного тротуара, который тянулся вдоль канала. Дерк т'Лариен посмотрел в окно и увидел темную баржу, медленно скользящую в лунном сиянии. Одинокaя фигура стояла на корме, опираясь на тонкий черный шест. Все было очень хорошо видно в ярком свете огромной луны планеты Брак.

За нею царили безмолвие и тьма, недвижный занавес скрывал звезды. Облако пыли и газа, подумал Дерк, Покров Искусителя.

В тот день Дерк получил говорящий камень. С этого все и началось, хотя прошло уже много лет с тех пор, как все кончилось.

Камень был завернут в серебряную фольгу и кусочек черного бархата – так же, как много лет назад, когда Дерк подарил его ей. Вечером Дерк сел у окна своей комнаты с видом на широкий мутный канал, по которому нескончаемым потоком в обоих направлениях проплывали баржи с фруктами, направляемые шестами торговцев, и развернул сверток. Камень остался таким, каким Дерк его помнил: темно-красная слезинка, прорезанная узкими черными полосками. Он помнил и тот день, когда ювелир обточил его. Это было еще на Авалоне.

Наконец Дерк прикоснулся к камню.

Пальцы ощутили холод гладкой поверхности, и зазвучал тихий голос, пробуждая воспоминания, напоминая об обещаниях, которые он и так не забыл.

Дерк оказался здесь, на Браке, почти случайно и не мог себе представить, как его удалось найти. Но его нашли, и драгоценный камень вернулся к Дерку т'Лариену.

– Гвен, – тихо сказал он самому себе. Ему хотелось снова произнести это слово, чтобы ощутить знакомое тепло. Его Джинни, его Гвиневера, властительница несбывшихся мечтаний.

Это было семь стандартных лет назад, вспоминал он, поглаживая пальцами холодную как лед поверхность камня. Но казалось, что прошло семь жизней. Что она может хотеть от него сейчас? Человек, который ее когда-то любил, тот, другой Дерк т'Лариен, дававший обещания и даривший драгоценности, давно умер.

Дерк поднял руку, чтобы убрать с глаз прядь темных с проседью волос, и вдруг, сам того не желая, вспомнил, как Гвен отводила эту прядь перед тем, как поцеловать его.

И тогда он почувствовал безмерную усталость и тоску. Заботливо выпестованный цинизм, который служил поддержкой долгие годы, покинул его, плечи опустились под тяжестью навалившегося на него ощущения собственной личности, себя прежнего, такого, каким он уже давно не был. Конечно, он сильно изменился за прошедшие годы и считал, что стал мудрее. Но теперь вся эта мудрость словно разом прокисла. Дерк перебирал в памяти воспоминания об обещаниях, которые не выполнил, о мечтах, исполнение которых откладывал, пока не забывал о самой мечте, об идеалах, низведенных до компромисса, о скучной, никчемной жизни впереди.

Зачем она заставила его все вспомнить? Слишком много времени прошло, слишком многое случилось в его жизни, может быть, в ее – тоже. Кроме того, он никогда не верил, что она действительно воспользуется говорящим камнем. То был глупый жест юного романтика. Никакой взрослый здравомыслящий человек не может считать себя связанным столь нелепым обещанием. Конечно, он никуда не полетит. Он еще только начал знакомство с Браком, живет своей жизнью, у него важные дела. Неужели Гвен надеется, что ради нее он отправится в Запокровье?

Полный негодования, он крепко сжал в кулаке камешек, намереваясь швырнуть его в окно, в темные воды канала, выкинуть вон вместе со всеми связанными с ним воспоминаниями. Но зажата в кулаке маленькая драгоценность обожгла его ледяным холодом, пронзила кинжалом памяти.

– ...потому что ты нужен ей, – слышалось ему. – Потому что ты обещал...

Рука не шевельнулась, кулак остался сжатым. Болезненное ощущение ледяного холода прошло, но рука онемела.

Тот, другой Дерк, молодой, принадлежавший Гвен, дал обещание. И она тоже обещала. Очень давно, на Авалоне. Старый мастер, высохший эмерелец, обладатель весьма незначительного дара и золотисто-рыжих волос, вырезал для них два камешка. Он «прочитал» Дерка т'Лариена, почувствовал всю глубину любви Дерка к его Джинни и вложил в маленький камешек столько от понятого им, сколько позволяли его псионические способности. Потом он сделал то же самое для Гвен. Затем влюбленные обменялись драгоценностями.

Идея принадлежала Дерку. «Все может измениться», – сказал он ей, цитируя древнее стихотворение. И тогда они дали друг другу обещание: «Пошли это напоминание, и я приду. Где бы я ни был (была), когда бы это ни случилось, что бы ни произошло между нами, я приду, и не буду ни о чем спрашивать».

Но она нарушила обещание. Спустя шесть месяцев после того, как она покинула его, Дерк послал ей говорящий камень. Гвен не ответила. После этого он не думал, что она может напомнить ему о его обещании. Но Гвен напомнила.

Неужели она действительно надеется, что он придет?

С глубокой печалью он осознавал, что тот человек, каким он был прежде, обязательно пришел бы – несмотря ни на что. И независимо от того, как сильно он ее ненавидел или насколько сильно любил. Но того глупца давным-давно нет в живых. Время и Гвен убили его.

И все же Дерк слышал то, что говорил ему камень, и вместе с незнакомой усталостью он снова испытывал прежние чувства. В конце концов Дерк поднял голову и подумал: «А может быть, и сейчас еще не поздно?»

Существует немало способов перемещения в космосе. При некоторых из них скорость движения больше скорости света, при других – меньше, но в любом случае этой скорости не хватает, и, по большому счету, человек перемещается медленно. Чтобы пересечь из конца в конец пространство, освоенное человечеством, нужно потратить большую часть жизни, а это пространство – разбросанные в космосе планеты, разделенные огромными

расстояниями, – лишь небольшая часть галактики. Но Брак располагался сравнительно близко к Покрову и внешним планетам. Между ними летали торговые корабли, так что Дерк вполне мог воспользоваться одним из них.

Звездолет назывался «Ужас былых врагов», от Брака он направлялся к Таре, затем за Покров к Вулфхейму, затем к Кимдиссу и, наконец, к Уорлорну, и, хотя корабль летел со сверхсветовой скоростью, все путешествие заняло более трех стандартных месяцев. Дерк знал, что после Уорлорна корабль полетит к Верхнему Кавалаану, затем к Эмерелу и к Крайним Звездам, а затем повернет назад и повторит в обратном порядке свой скучный маршрут.

Космодром строился из расчета на прием двадцати кораблей в день, но теперь сюда прилетал, наверное, один звездолет в месяц. Большая часть космодрома, погруженная во мрак, была законсервирована и казалась заброшенной. «Ужас Былых Врагов» опустился на площадку в центре действующего сектора. По сравнению с ним маленькие частные корабли и полуразобранный тоберианский грузовоз казались еще меньше.

Работавшая в автоматическом режиме безлюдная секция вокзала была ярко освещена. Дерк быстро пересек ее и поспешил наружу, в темноту ночи, странной беззвездной ночи, привычной для обитателей планет Запокровья.

Они ждали его у главного выхода, как он и предполагал. По его просьбе капитан корабля послал сообщение, как только вывел корабль из сверхсветовой скорости в околопланетном пространстве.

Итак, Гвен Дельвано пришла его встретить, но была не одна. Когда Дерк вышел из здания вокзала, она негромко переговаривалась с мужчиной, стоявшим рядом с ней.

Дерк остановился у выхода, улыбнулся, насколько мог, беззаботно и поставил на землю свою легкую сумку.

– Привет, – тихо сказал он. – Я слышал, здесь Фестиваль.

Услышав его голос, она обернулась и рассмеялась так хорошо знакомым ему смехом.

– Нет, – ответила она, – ты опоздал лет на десять.

Дерк нахмурился и сокрушенно покачал головой.

– Черт возьми, – пробормотал он, потом улыбнулся.

Гвен быстро шагнула к нему, они обнялись. Незнакомец, с которым она разговаривала, остался стоять в стороне, бесстрастно наблюдая за ними.

Объятие было коротким. Как только Дерк коснулся ее плеч, она отстранилась. Они продолжали стоять очень близко, всматриваясь друг в друга, пытаясь понять, что сделали с ними годы.

Облик Гвен мало изменился, хотя она выглядела старше, и если что-то казалось другим, то, возможно, его просто подводила память. Ее большие зеленые глаза были не такими огромными и не столь зелеными, какими он их помнил, и она казалась немного выше ростом и, возможно, немного плотнее. Но она стояла близко и улыбалась прежней улыбкой, и прическа ее осталась прежней. Прекрасные черные волосы, чернее ночей Запокровья, струились по ее плечам блестящим потоком. Она была одета в свитер с высоким воротником и подпоясанные ремнем брюки из хамелеоновой ткани, которая в тот момент имела цвет ночи, голову ее украшала широкая лента, такая же, какую она носила обычно на Авалоне, а левую руку – браслет. Браслет был необычным: полоса серебра шириной во все запястье с вставками из желтовато-зеленого жадеита. Закатанный рукав свитера открывал его для всеобщего обозрения.

– Ты похудел, Дерк, – сказала она.

Он пожал плечами и сунул руки в карманы куртки.

– Может быть.

Он действительно сильно похудел, настолько, что выпирали кости, лишь плечи округлились из-за привычки сутулиться. Годы оставили свои следы. Голова поседела, тогда как раньше седина лишь слегка проглядывала в темных волосах, и теперь он носил их длинными, почти как Гвен, только у него волосы мелко вились.

– Давно мы не виделись, – произнесла Гвен.

– Семь стандартных лет, – уточнил он, кивнув. – Не думаю, что...

В этот момент незнакомец кашлянул, словно желая напомнить им о том, что они не одни. Дерк посмотрел в его сторону, Гвен обернулась. Мужчина подошел и вежливо поклонился. Коротенький, круглолицый блондин с почти белыми волосами был одет в яркий желто-зеленый костюм из шелковина и крошечную черную шапочку, которая каким-то чудом удержалась на голове во время поклона.

– Аркин Руарк, – представился он.

– Дерк т'Лариен.

– Аркин вместе со мной работает над проектом, – объяснила Гвен.

– Каким проектом?

Она взмахнула ресницами.

– Ты даже не знаешь, почему я здесь?

Он не знал. Говорящий камень был послан с Уорлорна, поэтому он знал только, где ее найти, но больше ничего.

– Ты эколог, – попытался угадать он. – На Авалоне...

– Да. Я закончила там институт много лет назад, получила диплом и потом жила на Кавалаане до тех пор, пока меня не послали сюда.

Руарк, скованно улыбаясь, продолжал:

– Что касается меня, то я представляю Академию города Имприл на Кимдиссе. Знаете?

Дерк кивнул. Значит, Руарк был кимдиссцем, жителем Запокровья, выпускником одного из их университетов.

– В общем, мы здесь с одной целью, понимаете? Исследование экологических процессов на Уорлорне. Им не придавали серьезного значения во время Фестиваля. Ни одна из планет Внешних Миров не сильна в экологии. Благополучно забытая наука, как говорят эмерельцы. Что касается проекта, то мы с Гвен давно знакомы и вот решили... В

общем, решили работать вместе...

– Да, понятно, – отозвался Дерк.

В тот момент его мало интересовал проект, Ему хотелось поговорить с Гвен. Он посмотрел на нее.

– Ты расскажешь мне обо всем позже, когда у нас будет больше времени. Я думаю, тебе хочется поговорить.

Она ответила удивленным взглядом.

– Ну конечно. Нам есть о чем поговорить.

Дерк подхватил свою сумку.

– Куда теперь? Мне не помешало бы принять душ и подкрепиться.

Гвен и Руарк обменялись взглядами.

– Мы с Аркином только что говорили об этом. Ты можешь поселиться у него. Мы живем в одном здании. Только на разных этажах.

Руарк кивнул.

– С удовольствием, с удовольствием. Рад оказаться полезным друзьям. Ведь мы оба друзья Гвен, не правда ли?

– Вот как? – не сдержал удивления Дерк. – Я думал, что буду жить у тебя, Гвен.

Она посмотрела сначала на Руарка, под ноги, в черное ночное небо и лишь потом встретила с ним взглядом.

– Возможно, – уклончиво ответила она, – но не сейчас. Мне кажется, так будет лучше. А сейчас мы поедем домой.

– Сюда, пожалуйста, – пригласил его Руарк, прежде чем он успел что-либо сказать. Во всем этом чувствовалось что-то странное. В течение долгих месяцев полета Дерк много раз пытался вообразить эту встречу. Иногда она представлялась ему полной любви и нежности, иногда – взаимных упреков,

слез, но он никогда не думал, что они встретятся, как встретились сейчас: неловкость, недоговоренность... Да еще постоянное присутствие этого незнакомца. Кто такой на самом деле этот Аркин Руарк, и таковы ли его отношения с Гвен, какими они их пытаются представить? Но, с другой стороны, они сказали так мало, почти ничего. Не зная, что думать и что говорить, он пожал плечами и последовал за ними к аэромобилю.

Идти пришлось недалеко. Вид машины произвел на Дерка ошеломляющее впечатление. Ничего подобного он прежде не видел. Отливавшая стальным блеском огромная машина с массивными треугольными крыльями казалась живой

– металлический воздушный скат. Между крыльями находилась небольшая кабинка на четыре места, а на концах крыльев он заметил угрожающе торчавшие дула.

Он бросил взгляд на Гвен и показал на них.

– Лазерные?

Она кивнула, слегка улыбаясь.

– Что это у тебя за дьявольская машина? – спросил Дерк. – Очень уж похожа на военную. Нам придется отражать нападение хангов? Мне не доводилось видеть ничего подобного со времени наших посещений институтских музеев на Авалоне.

Гвен засмеялась, взяла из его рук сумку и кинула ее на заднее сиденье.

– Залезай, – поторопила она его. – Это очень хороший аэромобиль производства Верхнего Кавалаана. Они только недавно начали строить свои собственные. Его сделали по образу черного баньши, летающего хищника, священного животного Сообщества Айронджейд. Он фигурирует во многих народных сказаниях. Своего рода тотем.

Гвен забралась в машину и заняла место за штурвалом, Руарк неуклюже перевалился через крыло и плюхнулся на заднее сиденье. Дерк продолжал стоять.

– Но она вооружена лазерными пушками? – продолжал допытываться он.

Гвен вздохнула.

– Они не заряжены и никогда не были заряжены. Каждая машина, построенная на Верхнем Кавалаане, имеет оружие. Такова традиция. И не только у айронджейдов. Так же делают и Редстил, Брейт и Шанагейт.

Дерк обошел машину и взобрался на сиденье рядом с Гвен.

– Я не понимаю.

– Это названия четырех кавалаанских родовых союзов, – объяснила она. – Можно их считать небольшими народностями или большими семьями. Они и то, и другое.

– Но зачем лазерное оружие?

– Верхний Кавалаан – беспокойная планета, – ответила Гвен.

Руарк фыркнул.

– Это совершенно неверно, совершенно!

– Неверно? – резко обернулась к нему Гвен.

– Вот именно, – ответил Руарк. – Совершенно неверно, потому что близко к истине, а половина правды хуже лжи.

Дерк обернулся и посмотрел на круглолицего светловолосого кимдиссца.

– Что вы имеете в виду?

– Верхний Кавалаан был когда-то опасной, дикой планетой. Но теперь только сами кавалаанцы – дикари, враждующие между собой. Это ненавидящие все чужое расисты, распираемые чувством гордости и завистью. Со своими Великими Воинами и дуэльным кодексом... Да, да, именно поэтому их машины оснащены пушками. Они предназначены для воздушных боев! Я предупреждаю вас, т'Лариен...

– Аркин! – угрожающе воскликнула Гвен. Прозвучавшая в ее голосе злость покорила Дерка.

Она резко включила гравитационный ускоритель, дернула штурвал, аэромобиль рванулся вперед и с жалобным воем взмыл вверх. Сектор космодрома, в котором среди меньших собратьев стоял «Ужас Былых Врагов», сиял огнями, все остальное было погружено во мрак. Непроглядная тьма простиралась до невидимого горизонта, где черная земля соединялась с еще более черным небом. Лишь небольшая россыпь звезд слабо мерцала в вышине. Это были звезды Окраины. Выше них начиналось межгалактическое пространство, ниже повис темный занавес Покрова Искусителя. Дерк остро ощутил беспредельное одиночество планеты.

Руарк, поворчав, умолк, и в кабине воцарилась напряженная тишина.

– Аркин – кимдиссец, – наконец произнесла Гвен с натянутым смешком, но это не обмануло Дерка. Он слишком хорошо ее знал. Гвен была так же напряжена, как и минуту назад, когда прикрикнула на Руарка.

– Я ничего не понимаю, – признался Дерк, чувствуя себя совершенным идиотом.

– Вы ведь не внешнепланетянин, – попытался успокоить его Руарк. – Где бы вы ни жили – на Авалоне или Бальдуре – не имеет значения. Вы, жители Внутренних Миров, не знаете кавалаанцев.

– Так же как и кимдиссцев, – добавила Гвен уже более спокойно.

Руарк хмыкнул.

– Это сарказм, – пояснил он. – Кимдиссцы и кавалаанцы... В общем, мы не очень ладим, понимаете? Гвен хочет сказать, что я отношусь к ним с предубеждением и мне нельзя верить.

– Да, Аркин, – согласилась она. – Дерк, он не знает Верхний Кавалаан и не может понять ни его людей, ни их культуры. Как любой кимдиссец, он будет говорить тебе о них самое плохое, но на самом деле все не так просто, как он себе представляет. Помни об этом, когда этот болтун начнет тебя обрабатывать. Ведь ты сам всегда говорил, что каждую проблему следует рассматривать с тридцати сторон.

– Совершенно верно, – со смехом сказал Дерк. – Так оно и есть. Хотя в

последние годы я стал подумывать, что тридцати маловато. Однако я так и не понял, что это все означает. Взять хотя бы машину. Она нужна тебе для работы? Или ты должна летать именно в такой только потому, что ты работаешь для айронджейдов?

– Ах, – громко возразил Руарк, – никто не работает для айронджейдов. Ты либо один из них, либо – нет. Третьего не дано. Если ты не айронджейд, ты не работаешь для них!

– Да. – В голосе Гвен снова зазвучала злость. – И я – одна из них. Прошу тебя не забывать об этом, Аркин.

– Гвен, Гвен, – взволнованно заговорил Руарк, – ты же друг, родственная душа. Мы с тобой много сделали, мы вместе. Я не хотел тебя обидеть. Но ты не кавалаанка и никогда ею не будешь. Хотя бы потому, что в тебе слишком много от настоящей женщины. Ты не какая-нибудь эйн-кети или бетейн.

– Вот как? Ты так считаешь? Тем не менее я связана узами с Джааном и ношу символ нашей связи – серебро с жадеитом. – Она посмотрела на Дерка и негромко добавила: – Машина принадлежит Джаану, и, отвечая на твой вопрос, хочу сказать, что именно поэтому я летаю на ней.

Они замолчали. Только ветер гудел вокруг пронизывавшей черноту ночи машины, развевая прямые длинные волосы Гвен и спутанные кудри Дерка, продувая насквозь его тонкую одежду. Он подумал было о том, почему на машине нет стеклянного колпака, а только ветровое стекло, от которого никакого толка, но потом сложил руки на груди и опустил пониже.

– Кто такой Джаан? – спокойно спросил Дерк.

Он со страхом ожидал ответа, потому что Гвен произнесла это имя с вызовом в голосе.

– Он же ничего не знает, – сказал Руарк.

Гвен вздохнула, и Дерк почувствовал ее напряжение.

– Прости Дерк. Я думала, что ты знаешь. Это произошло давно. Я была уверена, что кто-нибудь из наших общих знакомых на Авалоне сказал тебе.

– Я ни с кем из них не встречался, и тебе это хорошо известно, – сдержанно ответил Дерк. – Я много путешествовал, жил на Браке, на Прометее, на Джеймисоне... – Он замолчал, понимая бессмысленность своих объяснений, потом снова спросил:

– Кто такой Джаан?

– Джаантони Рив Вулф Высокородный Айронджейд Викари, – произнес Руарк.

– Джаан – мой... – она замялась. – Это трудно объяснить. Я – бетейн для Джаана и собетейн для его тейна, которого зовут Гарс.

Она посмотрела на него, на секунду оторвавшись от приборной доски, и опять устремила взгляд вперед. Лицо Дерка выражало полное недоумение.

Пожав плечами, Гвен сказала:

– Можно назвать его мужем. Извини, это слово не совсем подходит, но оно ближе всего по смыслу. Если объяснять кратко, то Джаан – мой муж.

Дерк съежился, крепче стиснув руки на груди. Он молчал. Ему было холодно и больно, и он уже начал жалеть, что прилетел сюда. Но, вспомнив о говорящем камне, он отогнал эти мысли. Наверняка у нее была причина вызвать его, и в свое время она все ему объяснит. И, конечно, как можно рассчитывать на то, что она будет одна. При встрече на космодроме он даже подумал, что, может быть, Руарк... Но ему это безразлично.

Молчание затянулось. Гвен снова посмотрела на него.

– Прости, – повторила она. – Правда, Дерк, тебе не надо было прилетать.

И он опять подумал, что она права.

Полет продолжался в молчании. Слова были произнесены, но не те слова, которые ему хотелось бы услышать. То, что он услышал, не могло ничего изменить. Он на Уорлорне, и Гвен, внезапно оказавшаяся совсем чужой, все еще рядом. Дерк сидел, сгорбившись, погруженный в свои мысли, а в лицо ему дул холодный ветер.

На Браке он думал, она позвала его, потому что он ей нужен. Он не знал только, хочет ли он сам вернуться к ней, сможет ли, способен ли еще Дерк т'Лариен любить и быть любимым? Теперь ему стало ясно, что проблема заключается в другом.

«Пошли этот камень, и я приду, и не буду ни о чем спрашивать». Обещание. Ничего больше.

Внезапно он разозлился. Зачем она так поступает с ним? Она, безусловно, должна была бы догадываться о его чувствах. Ни одно ее желание не стоит боли этих воспоминаний.

Но постепенно Дерк т'Лариен успокоился. Он сидел с закрытыми глазами. Перед его мысленным взором снова плыла по каналу одинокая черная баржа. Он вспомнил, как принял решение попытаться снова стать тем, кем был прежде, полететь к ней и отдать ей все, что только сможет, все, что она захочет, – не только ради нее, но и ради самого себя.

Дерк с усилием выпрямился, разомкнул руки, открыл глаза навстречу колючему ветру, затем медленно перевел взгляд на Гвен и улыбнулся ей своей прежней смущенной улыбкой.

– Ах, Джинни, – сказал он. – Мне жаль. Но еще мне кажется, что это не имеет значения. Я рад, что оказался здесь, и ты должна радоваться. Ведь мы так давно не виделись, верно?

Гвен посмотрела на него, затем снова на приборную панель и нервно облизнула губы.

– Да, Дерк, мы слишком долго не виделись.

– Я увижусь с Джааном?

Она кивнула.

– И с Гарсом тоже, его тейном.

Где-то внизу шумела река, невидимая в темноте. Скоро звук пропал – они двигались довольно быстро. Дерк посмотрел в сторону, в ревущую мглу, затем взглянул наверх.

– Тут не хватает звезд, – задумчиво произнес он. – Мне кажется, что я начинаю слепнуть.

– Мне знакомо это чувство. – Гвен улыбнулась, и неожиданно Дерку стало хорошо. Впервые за все последнее время.

– Помнишь небо на Авалоне? – спросил он.

– Да, конечно.

– Множество звезд. Прекрасный мир.

– Уорлорн тоже красив по-своему. Что ты о нем знаешь?

– Не много, – ответил Дерк, глядя на нее. – Знаю о Фестивале, о том, что планета – бродяга. Одна женщина на корабле рассказала мне, что Томо и Уолберг открыли ее во время прогулки к краю галактики.

– Не совсем так, – возразила Гвен. – Но в этой истории есть свое очарование. Как бы то ни было, все, что ты здесь увидишь, существует благодаря Фестивалю. Весь Уорлорн. В празднествах участвовали планеты Окраины, и культура каждой из них воплотилась в здешних городах. Их четырнадцать – столько, сколько планет Окраины. Между ними космодром и Общественный Парк. Мы сейчас над ним летим. В нем мало интересного, даже днем. В годы Фестиваля там устраивали ярмарки, спортивные игры.

– А где вы работаете?

– В лесах и пустынях, – ответил Руарк, – вне городов, за горами.

– Взгляни, – окликнула Гвен.

Дерк посмотрел вперед и увидел на горизонте еле различимую гряду гор, черные зубцы которых, вырастая из массива Парка, вздымались ввысь, почти касаясь нижних звезд. На одной из вершин появилась темно-красная искорка, которая увеличивалась по мере их приближения. Она росла, но не становилась ярче. Ее свет оставался зловеще красным, напомнив почему-то Дерку о говорящем камне.

– Вот мы и дома, – объявила Гвен. – Город Лартейн. На старом

кавалаанском языке «лар» означает «небо». Здесь живут люди с Верхнего Кавалаана. Иногда его называют Огненной Крепостью.

При первом взгляде на город сразу становилось понятно, почему его так называют. Построенный на крутом склоне горы с отвесными скалами внизу и позади него, кавалаанский город был похож на крепость с массивными стенами и узкими щелями окон. Башни, возвышавшиеся внутри стен города, казались тяжелыми и низкими на фоне нависшей над ними горы, по темным камням которой расплывались кровавые пятна отраженного света. Но огни города не были отражением, его стены и улицы излучали тусклый мерцающий свет.

– Глоустоун, – ответила Гвен на его немой вопрос. – Светящийся камень. Он поглощает свет в течение дня, а ночью отдает его. На Верхнем Кавалаане его главным образом используют в ювелирном деле, а сюда, на Уорлорн, привезли специально для Фестиваля.

– Кавалаанское барокко, – вставил Руарк.

Дерк только кивнул головой в ответ.

– Видел бы ты этот город раньше, – сказала Гвен. – Лартейн питался светом семи солнц, а ночью полыхал огнем. Он был похож на раскаленный добела кинжал. Теперь камни светятся не так ярко – Колесо отдаляется с каждым часом. Еще несколько лет – и они превратятся в слабо тлеющие угольки.

– Город не кажется большим. Сколько здесь народу? – спросил Дерк.

– Когда-то здесь жило около миллиона человек. Ты видишь только верхушку айсберга. Большая часть города внутри горы.

– Как это по-кавалаански! – заметил Руарк. – Недоступная пещера в неприступных скалах. Правда, теперь пустая. По последним подсчетам, здесь сейчас двадцать человек включая нас.

Аэромобиль миновал наружную стену, завис над краем широкого уступа горы и нырнул вниз мимо скал и светящихся камней. Внизу Дерк увидел широкие тротуары, слегка покачивающиеся висячие украшения домов и огромных каменных зверей со светящимися глазами из глоустоуна. Сами здания были выстроены из белого камня и черного дерева, на их стенах

лежали длинные красные отблески, словно зияющие раны на теле гигантского темного животного. Они летели над башнями, крышами, извилистыми аллеями, широкими бульварами и площадями, над огромным открытым многоярусным театром. Всюду было пусто. Ни одной живой души на сумрачных улицах.

Гвен по спирали опустила машину на крышу квадратной черной башни. Когда аэромобиль с затихшим двигателем завис над посадочной площадкой, Дерк увидел на ней две другие машины: желтую, в форме гладкой слезинки, и внушительных размеров боевой летательный аппарат, выглядевший как ветеран войн прошлого столетия: угловатый, с толстой броней оливково-зеленого цвета, с лазерными пушками на крыше кабины и на хвосте.

Гвен посадила металлический скат между двумя машинами, и они вышли на крышу башни. Когда они остановились на площадке лифта, Гвен повернула к нему лицо, странно пылавшее в неприятном красноватом свете.

– Уже поздно, – сказала она. – Нам всем лучше отправиться отдыхать.

Дерк не стал возражать, лишь спросил о Джаане.

– Ты встретишься с ним завтра, – ответила она. – Сначала мне нужно с ним поговорить.

– Почему? – удивился Дерк.

Но Гвен уже спешила к лестнице. Руарк положил ему руку на плечо и подтолкнул к кабине лифта.

2

Той ночью Дерк почти не спал. Каждый раз, когда он начинал засыпать, отвратительные, сумбурные видения будили его. Просыпаясь, он пытался вспомнить, что ему снилось, но безуспешно. Наконец он сдался. Встав, Дерк порылся в сумке и отыскал свое сокровище – завернутый в фольгу и бархат говорящий камень. Он сидел один во мраке ночи, ощущая рукой его холод и вслушиваясь в его ледяные обещания.

Прошли часы, прежде чем Дерк встал и оделся. Положив в карман говорящий камень, он отправился наверх, чтобы посмотреть на восход Колеса. Руарк крепко спал, но он с вечера объяснил, как пользоваться кодовым замком, поэтому Дерк мог войти и выйти в любое время. Он поднялся на лифте и вышел на крышу. Там, сидя на холодном металлическом крыле серой машины, он наблюдал, как рассвет смывает с неба остатки ночи.

Этот странный тусклый рассвет сеял в душе смутное ощущение опасности, а рожденный им день был мрачен. Сначала неясное туманное свечение окрасило горизонт, расплывшись над ним темно-красным пятном, словно слабый отблеск светящихся камней города. Потом появилось первое солнце – крошечный желтый шарик, на который можно было смотреть, не щурясь, не прикрывая глаз. Через несколько минут немного поодаль всплыло второе светило, чуть больше и ярче первого, но оба они, хотя и были намного ярче звезд, вместе давали света меньше, чем одно огромное ночное светило Брака.

Спустя некоторое время над зарослями парка показалась тонкая, грязно-красная полоска, которая вначале почти не выделялась на окрашенном зарей небе, но она продолжала расти, пока наконец Дерк не понял, что это верхняя часть огромного красного солнца. По мере того как оно поднималось выше и выше, все вокруг окрашивалось в красный цвет.

Дерк посмотрел вниз, на улицы Лартейна. Светящиеся камни погасли, лишь кое-где в тени осталось слабое мерцание. Рассвет накрыл город серой пеленой с красноватым отливом. Тусклый, холодный свет занимавшегося

дня погасил ночные огни, и теперь улицы города несли на себе еще более явственный отпечаток смерти и опустошения.

Настал сумеречный день Уорлорна.

– В прошлом году света было больше, – услышал Дерк голос позади себя. – Теперь каждый следующий день темнее и холоднее предыдущего. Две из шести звезд Чертовой Короны находятся сейчас позади Толстого Черта, и от них нет никакого толка, другие продолжают уменьшаться. Сам Черт еще довольно ярок, но и его красный свет слабеет. Выходит, что Уорлорн живет в угасающем свете заката, за которым не будет рассвета. Еще несколько лет, и все семь солнц станут далекими звездами, а на планету вернется лед.

Говоривший стоял неподвижно лицом к рассвету, слегка расставив ноги, положив руки на бедра. Это был высокий, худощавый, мускулистый мужчина. Распахнутый несмотря на холодное утро ворот рубашки обнажал загорелую грудь, которая казалась медной в свете Толстого Черта.

Бросались в глаза высокие скулы, тяжелая квадратная челюсть и волосы до плеч, такие же черные, как у Гвен. Его руки, покрытые густыми черными волосами, украшали два массивных браслета: левую – серебряный с жадеитами, правую – из потемневшего железа с красными светящимися глоустоунами.

Дерк остался сидеть на крыле ската. Незнакомец смотрел на него сверху вниз.

– Вы – Дерк т'Лариен, бывший возлюбленный Гвен.

– А вы – Джаан.

– Джаан Викари из Сообщества Айронджейд, – представился мужчина. Он шагнул вперед и поднял обе руки вверх, словно демонстрируя собеседнику пустые ладони.

Дерку был знаком этот жест. Он встал и приложил свои ладони к ладоням кавалаанца. И в этот момент заметил кое-что еще: на черном металлическом поясе Джаана висел лазерный пистолет.

Викари перехватил его взгляд и улыбнулся.

– Да, кавалаанцы носят оружие. Это одна из наших традиций. Надеюсь, вас это не шокирует, как кимдиссца, приятеля Гвен. А если вас это тоже приводит в ужас, так это не наша вина, а ваша. Лартейн – часть Верхнего Кавалаана, и вы не вправе ожидать от нас отступления от своей культуры в угоду вашей.

– Я и не ожидаю. Наверное, из-за того, что узнал о вас прошлой ночью. И все же этот обычай кажется мне странным. Что, здесь где-нибудь идет война?

Викари слегка улыбнулся, блеснув зубами.

– Здесь постоянно идет война, т'Лариен. Сама жизнь – война.

Помолчав, он спросил:

– У вас необычное имя, т'Лариен. Ни я, ни мой тейн Гарс никогда не слышали такого. Откуда вы родом?

– Я родился на Бальдуре, очень далеко отсюда, на другой стороне галактики от Старой Земли. Но я почти его не помню. Родители привезли меня на Авалон, когда я был еще маленьким.

– И вы много путешествовали, как сказала мне Гвен. На каких планетах вам пришлось побывать?

Дерк пожал плечами.

– Прометей, Рианнон, Тисрок, Джеймисон... Авалон, разумеется. Всего около дюжины. Большей частью планеты с более низким, чем на Авалоне, уровнем цивилизации, на которых могли пригодиться мои знания. С хорошим образованием легко найти работу даже без особых талантов. Меня это устраивает. Я люблю путешествовать.

– Но до сих пор вы не залетали на Покров Соблазнителя. Вы не знаете ни одной планеты дальше джамблов. Вы увидите, что здесь все по-другому, т'Лариен.

Дерк поморщился.

– Как вы сказали? Джамблы?

– Джамблы, – повторил Викари неизвестное Дерку слово. – Вулфхеймский сленг. «Косяковые миры». От слова «косяк», дверной косяк. Я узнал его от своих приятелей, вулфхеймцев, когда учился на Авалоне. Так они называли Межпланетье, пространство между Внешними Планетами и Поселениями Старой Земли первого и второго поколений. Именно в звездных системах Межпланетья хранили поработили некоторые планеты и там воевали с Империей Земли. Большинство планет, названных вами, тоже затронула война и последовавший за ней развал Империи. Сам Авалон – поселение второго поколения и когда-то был столицей сектора. А это немало для столь отдаленной планеты. Вы Согласны?

Дерк кивнул.

– Да, я немного знаком с историей. Судя по всему, вы знаете гораздо больше.

– Я историк, – признался Викари. – Моя работа большей частью заключается в попытках извлечь исторические факты из мифов моей родной планеты. Верхнего Кавалаана. Именно для этого Айронджейд послал меня на Авалон, не считаясь с затратами. Я должен был изучить банки данных старинных компьютеров. Я провел там два года. Свободного времени было много, и я увлекся общими вопросами истории человечества.

Дерк ничего не ответил и устремил взгляд на рассвет. Красный диск Толстого Черта наполовину выполз из-за горизонта, показалась и третья звезда Колеса. Она была немного севернее предыдущих и светила не ярче обычной звезды.

– Красная звезда – супергигант, – задумчиво сказал Дерк. – Но отсюда она кажется не больше солнца Авалона. Наверное, она очень далеко, и здесь все уже должно было бы замерзнуть. А у вас всего лишь прохладно.

– Это дело наших рук, – с гордостью в голосе сказал Викари. – Правда, заслуга принадлежит не Верхнему Кавалаану, но, тем не менее, внешнепланетянам. В Эпоху Крушения Империи Земли Тоберу удалось сохранить высокие технологии и потом значительно развить их. Без их экрана Фестиваль был бы невозможен. Когда планета проходила вблизи от Толстого Черта и Адской Короны, их жар выжег бы атмосферу Уорлорна,

вскипятил бы его моря. Но благодаря тоберианскому экрану планета избежала страшной катастрофы, а мы получили долгое теплое лето. А теперь экран помогает удержать тепло. Но, как и все в нашем мире, он имеет ограниченные возможности. Холод придет.

– Я не ожидал, что мы так встретимся, – проговорил Дерк. – Почему вы пришли сюда?

– Наугад. Много лет назад Гвен рассказала мне, что вы любите смотреть на рассвет. И многое другое, Дерк т'Лариен. Я знаю о вас гораздо больше, чем вы обо мне.

– Что правда, то правда, – рассмеялся Дерк. – До вчерашней ночи я не знал даже о вашем существовании.

Лицо Джаана Викари было напряженным и серьезным.

– Но я существую. Помните об этом, и мы можем быть друзьями. Я хотел встретиться с вами с глазу на глаз и поговорить до того, как проснутся остальные. Теперь мы не на Авалоне, т'Лариен, а сегодня – не вчера. Мы на умирающей планете Фестиваля, в мире, где не существует законов, кроме тех, которые мы привезли с собой. И мне не хотелось бы вести себя в соответствии с нашими. С тех пор как я пожил на Авалоне, я стараюсь считать себя Джааном Викари, но я остаюсь кавалаанцем. Не вынуждайте меня стать Джаантони Рив Вулфом Высокородным Айронджейдом Викари.

– Я не совсем понял, что вы имеете в виду, – вставая, сказал Дерк. – Но думаю, что могу быть вполне искренним. Я ничего не имею против вас, Джаан.

Видно было, что ответ Дерка удовлетворил Викари. Он неторопливо кивнул и опустил руку в карман брюк.

– Прошу вас, примите вот это, – сказал он, протягивая ему на ладони булавку в форме крошечного ската. – В знак дружбы и хорошего отношения. И, пожалуйста, носите ее, пока находитесь здесь.

– Как вам угодно, – согласился Дерк, улыбнувшись в ответ на церемонную учтивость мужа Гвен. Он взял булавку и приколот ее к воротнику.

– Да, рассвет здесь хмурый, – посетовал Викари. – Но и день не лучше. Пойдемте к нам. Я разбужу остальных, пора завтракать.

В просторных апартаментах Гвен, которые она занимала вместе с двумя кавалаанцами, потолки были очень высокими, а в гостиной бросался в глаза огромный камин. На грифельно-серой каминной полке, как на насесте, восседали фантастические существа со злыми глазами и охраняли золу. Викари провел Дерка мимо них по устланному толстым черным ковром полу в столовую, которая не уступала гостиной по размерам. Пока хозяин будил остальных, Дерк сидел на одном из двенадцати деревянных стульев с высокими спинками, которые стояли вокруг большого стола.

Вскоре кавалаанец принес блюдо с тонко нарезанным темным мясом и корзинку с сухим печеньем. Поставив все это перед Дерком на стол, он снова покинул комнату.

Как только он вышел, открылась другая дверь и в комнату вошла Гвен, сонно улыбаясь, одетая в выгоревшие брюки и бесформенную зеленую блузу с широкими рукавами, с той же, что и накануне, лентой в волосах. На ее левой руке блеснул массивный серебряный браслет, плотно обхватывавший запястье. Вслед за ней вошел другой человек, почти такой же высокий, как Викари, но на несколько лет моложе и более худой. На нем был спортивный костюм из красно-коричневой хамелеоновой ткани. Таких синих глаз Дерк никогда не видал. Худощавое лицо с острыми чертами скрывала густая рыжая борода.

Гвен села. Человек с рыжей бородой остановился перед Дерком.

– Я – Гарс Айронджейд Джанасек, – представился он и протянул ладони. Дерк встал, чтобы приложить к ним свои.

Дерк заметил лазерный пистолет в кобуре, пристегнутой к ремню из серебристых металлических колец. На правой руке он носил такой же, как у Викари, черный браслет из железа и камня, похожего на глоустоун.

– Вы, наверное, знаете, кто я? – спросил Дерк.

– Конечно, – ответил Джанасек с ядовитой усмешкой.

Они оба сели.

Гвен уже жевала печенье. Когда Дерк сел, она протянула руку через стол и, почему-то улыбнувшись, дотронулась до маленькой булавки-ската на его воротнике.

– Я вижу, ты уже познакомился с Джааном, – сказала она.

– Более или менее, – отозвался Дерк.

Наконец вернулся Викари. Правой рукой он с трудом удерживал четыре кружки, а в левой нес кувшин темного пива. Он поставил все это посередине стола и, еще раз сходяв на кухню, принес тарелки, приборы и покрытый глазурью горшочек с какой-то желтой пастой, которую он предложил мазать на печенье.

Пока он отсутствовал, Джанасек подтолкнул пустые кружки к Гвен.

– Налей, – приказал он голосом, не терпящим возражений, и повернулся к Дерку.

– Насколько я знаю, вы были первым мужчиной в ее жизни, – сказал он, пока Гвен наливала пиво. – Вы оставили ее с невероятным количеством отвратительных привычек. Я вправе потребовать удовлетворения.

Дерк растерялся.

Гвен наполнила пивом три кружки из четырех. Одну она подвинула к месту Викари, вторую – Дерку, из третьей не спеша сделала большой глоток. Затем вытерла губы тыльной стороной руки, улыбнулась Джанасеку и вручила ему пустую кружку.

– Если ты намереваешься угрожать бедному Дерку из-за моих привычек, – сказала она, – то мне придется потребовать удовлетворения у Джаана за все те долгие годы, что я терпела твои.

Джанасек нахмурился, повертел в руках пустую кружку.

– Сука-бетейн, – спокойно произнес он, как будто это было в порядке вещей, и налил себе пива.

Тут же вернулся Викари, сел за стол, шумно отхлебнул из своей кружки.

Все приступили к еде. Дерк вскоре обнаружил, что ему нравится пить пиво на завтрак. По вкусу пришлось ему и печенье, намазанное толстым слоем сладкой пасты. Мясо было суховатым.

За едой Джанасек и Викари задавали Дерку вопросы, а Гвен сидела со смущенным видом и почти не разговаривала. Двое кавалаанцев являли собой достойное внимания зрелище: они были похожи внешне, но вели себя по-разному. Джаан Викари при разговоре наклонялся вперед (как и прежде, ворот его рубашки был распахнут), время от времени он рассеянно позевывал и почесывался, выражал дружескую заинтересованность всем своим видом, часто улыбался. Он выглядел менее напряженным, чем при первом разговоре на крыше, но все же производил впечатление осторожного, скрытного человека, которому нужно делать над собой определенное усилие, чтобы расслабиться. Даже отступления от формальностей – улыбки, жесты – казались хорошо рассчитанными и продуманными. Гарс Джанасек, хотя и сидел прямее, чем Викари, не почесывался и соблюдал формальную учтивость кавалаанской речи, казался раскрепощенным, как человек, которому не в тягость ограничения, накладываемые обществом, и которому даже в голову не приходит пытаться от них освободиться. Его речь была живой и полной колкостей, которые сыпались, как искры от махового колеса, и большая их часть предназначалась Гвен. Некоторые она парировала, но защита ее была слабой, Джанасек владел игрой лучше. Чаще это была игра в поддавки, дружеское подшучивание, хотя иногда Дерк улавливал в их перепалке интонации настоящей ненависти. В такие моменты Викари хмурил брови.

Когда Дерк упомянул о Прометее, на котором он провел год, Джанасек сразу ухватился за эту тему.

– Скажите, т'Лариен, – спросил он, – считаете ли вы Измененных людей людьми?

– Конечно, – ответил Дерк. – Они – люди Империи Земли, поселившиеся на Прометее во время войны. Современные прометейцы – потомки воинов, служивших в Экологическом Корпусе.

– Фактически это так, но я с вами не согласен, – возразил Джанасек. – Они слишком много манипулировали с собственными генами и изменили их настолько, что утратили право называть себя людьми. Разве можно считать

людьми существ, летающих, как драконы, живущих под водой, способных дышать ядами, видеть в темноте, как хрууны, имеющих четыре руки. А эти двуполые, лишённые чувствительности существа, предназначенные для воспроизведения потомства? Нет, они – не люди. Вернее, нелюди.

– Нет, – возразил Дерк. – Я много раз слышал слово «нелюдь». На всех планетах оно употребляется в просторечии для обозначения человеческих мутантов, настолько изменившихся, что они уже не могут скрещиваться с человеком. Но прометейцы соблюдали осторожность, чтобы этого не допустить. Их правящие касты совершенно нормальны, вы знаете – в себе они допускали лишь небольшие изменения генотипа ради долголетия и тому подобного, – так вот, как вам, наверное, известно, они регулярно устраивают налеты на Рианнон и Тисрок за обычными, по-земному нормальными людьми.

– Но ведь сама Земля уже перестала быть «по-земному нормальной» последние несколько столетий, – перебил его Джанасек и пожал плечами. – Мне не следовало вас перебивать, но, в любом случае, Земля слишком далеко

– до нас доходят только слухи столетней давности. Продолжайте.

– Я уже все сказал, – ответил Дерк. – Измененные люди, тем не менее, остаются людьми. Даже низшие касты, даже самые нелепые ошибки неудавшихся экспериментов хирургов – и те могут скрещиваться с обычными людьми. Поэтому их стерилизуют, опасаясь появления потомства.

Джанасек хлебнул пива и посмотрел на Дерка ярко-синими глазами.

– Значит, все-таки они вступают в половые отношения с людьми? – улыбнулся он. – Скажите мне, т'Лариен, за время вашего пребывания на Прометее была у вас возможность лично проверить это?

Дерк вспыхнул и невольно взглянул на Гвен так, словно она была во всем этом виновата.

– Я не давал обета безбрачия, если вас именно это интересует, – резко ответил он.

Джанасек наградил его улыбкой и посмотрел на Гвен.

– Интересно, – сказал он ей. – Мужчина проводит несколько лет в твоей постели и сразу вслед за этим обращается к скотоложеству.

Лицо Гвен вспыхнуло. Дерк знал ее достаточно хорошо, чтобы понять, какую ярость она испытывает. Похоже, Джаану Викари тоже не понравилось услышанное.

– Гарс, – угрожающе сказал он.

Джанасек послушался.

– Прости меня, Гвен. Я не хотел тебя обидеть, – постарался успокоить ее он. – Совершенно очевидно, что т'Лариен развил в себе вкус к русалкам и бабочкам-однодневкам без твоей помощи.

– Вы собираетесь увидеть здешнюю природу, т'Лариен? – нарочито громко спросил Викари, чтобы увести разговор в сторону.

– Не знаю, – ответил Дерк, прихлебывая пиво. – А она того стоит?

– Я никогда не прощу себе, если ты не побываешь там, – с улыбкой сказала Гвен.

– Тогда побываю. Что там интересного?

– Экологическая система, которая все еще складывается и в то же время умирает. Экология долгое время была забытой наукой на планетах Окраины. Даже теперь внешнепланетяне могут похвастаться не больше чем дюжиной квалифицированных инженеров-экологов. Когда готовились к Фестивалю, Уорлорн был заселен различными формами жизни с четырнадцати планет, и никто особенно не задумывался, как они будут взаимодействовать. В действительности на Уорлорне смешалась природа даже более чем четырнадцати планет, если считать животных, сначала вывезенных с Земли на Новоостровье, на Авалон, на Вулфхейм, а уже потом – на Уорлорн.

Мы с Аркином как раз изучаем, как формируются экосистемы Уорлорна. Уже два года мы ведем наблюдения, но работы еще хватит лет на десять, не

меньше. Результаты могут принести большую пользу фермерам всех Внешних миров. Они будут знать, какие виды флоры и фауны можно внедрять, а какие опасны для экологических систем.

– Вот животные с Кимдисса особенно опасны, – проворчал Джанасек. – Как и сами кимдиссцы-манипуляторы.

Гвен улыбнулась.

– Гарс злится, потому что в последнее время, кажется, начинает вымирать черный баньши, – объяснила она. – Действительно, очень жаль. У себя на Верхнем Кавалаане они почти полностью их истребили и надеялись, что здесь баньши хорошо приживется, и их можно будет отловить и перевезти на Верхний Кавалаан до наступления холодов. Но вышло иначе. Баньши – страшный хищник, но там, дома, он не мог конкурировать с человеком, а здесь его экологическую нишу заняли древесные привидения с Кимдисса.

– Большинство кавалаанцев воспринимает баньши, как угрозу безопасности, беду, – пояснил Викари. – Поэтому для охотников Брейта, Редстила и Шанагейта охота на черного баньши – едва ли не самый популярный вид охоты. Но айронджейды всегда относились к баньши иначе. Существует древняя легенда о том, как Кей Айрон-Смит и его тейн Рональд Вулф-Джейд вдвоем сражались с целой армией демонов на Ламераанских Холмах. Кей упал, Рональд продолжал битву, слабея с каждой секундой. Тогда из-за холмов появились баньши. Их было так много, что они как туча закрыли солнце. Они напали на демонов и проглотили их всех до единого, не тронув Кея и Рональда. Когда Кей и Рональд вернулись в пещеру к своим женщинам, они основали род айронджейдов, а баньши стал их побратимом, священным животным. Ни один айронджейд никогда не убил баньши, а легенды повествуют о том, что, когда бы айронджейд ни оказался в опасности, всегда появляется баньши и спасает его.

– Занимательная история, – произнес Дерк.

– Это более, чем история, – сказал Джанасек. – Существует связь между айронджейдами и баньши, т'Лариен. Может быть, она псионическая, может быть, существует только на уровне чувств, инстинкта. Я не знаю. Но связь эта есть.

– Предрассудки, – заявила Гвен. – Но ты не должен думать плохо о Гарсе. Он не виноват, что не получил образования.

Дерк намазал пастой печенье и посмотрел на Джанасека.

– Джаан сказал мне, что он историк. Чем занимается Гвен, я знаю. А вы? Что делаете вы?

Джанасек молчал, холодно глядя на него синими глазами.

– У меня создалось такое впечатление, что вы – эколог.

Гвен засмеялась.

– Сверхъестественная проницательность! – ухмыльнулся Джанасек. – Вы ошиблись.

– Тогда что вы делаете на Уорлорне? – поинтересовался Дерк. – И если уж на то пошло, то чем здесь может заниматься историк?

Викари, обхватив свою кружку обеими руками, задумчиво потягивал пиво.

– Это легко объяснить, – ответил он. – Я – высокородный член Сообщества Айронджейд, соединенный с Гвен Дельвано серебром и жадеитом. Она – моя бетейн. Ее послал сюда Верховный Совет; естественно, я отправился вместе с ней и с моим тейном. Вы понимаете?

– Наверное, понимаю. Значит, вы находитесь здесь, чтобы составить компанию Гвен?

Джанасек посмотрел на него враждебным взглядом.

– Мы защищаем Гвен, – сказал он ледяным голосом. – Большей частью от ее собственной глупости. Ей вообще не следовало бы здесь быть, но она здесь, поэтому и мы должны быть здесь. Что касается вашего первого вопроса, т'Лариен, то должен вам напомнить, что я – айронджейд, тейн высокородного айронджейда Аантони. Я могу делать все, что потребует от меня мой род: охотиться или возделывать землю, сражаться на дуэлях или вести Великую Войну против наших врагов, могу делать детей нашим эйн-кети. Всем этим я и занимаюсь. А кто я, вы уже знаете. Я ведь назвал свое

имя.

Викари взглянул на него и быстрым жестом правой руки заставил замолчать.

– Можете считать нас запоздалыми туристами, – сказал он Дерку. – Мы изучаем и наблюдаем. Путешествуем по лесам, по заброшенным городам. Мы могли бы ловить баньши, чтобы переправлять их на Верхний Кавалаан, но их здесь нет, – он поднялся, допил пиво. – Уже день, а мы все сидим, – проговорил он, ставя на стол пустую кружку. – Если вы собираетесь на природу, то вам надо спешить. Полет над горами займет немало времени, даже на аэромобиле, а вернуться лучше засветло.

– А-а, – протянул Дерк, допивая пиво. Он вытер рот тыльной стороной ладони. Похоже, на Кавалаане салфетки не входили в число предметов сервировки стола.

– Баньши не единственный хищник на Уорлорне, – сказал Викари. – В лесу полно убийц с четырнадцати планет. Но это не самое страшное. Люди хуже. Уорлорн – покинутая, никем не управляемая планета, в ее пустынных уголках немало странного и опасного.

– Вам лучше иметь при себе оружие, – посоветовал Джанасек. – А еще лучше, чтобы мы с Джааном отправились вместе с вами.

Викари покачал головой.

– Нет, Гарс. Им надо поговорить. Пусть идут одни. Так будет лучше, понимаешь? Это мое желание.

Он собрал со стола тарелки и направился на кухню, но в дверях остановился, обернулся и посмотрел в глаза Дерку.

И Дерк вспомнил слова, которые слышал на рассвете: «Я существую. Помните об этом».

– Ты давно не пользовался воздушными скутерами? – спросила Гвен, когда

они встретились на крыше.

Она переоделась в комбинезон из хамелеоновой ткани, подпоясанный ремнем. Грязновато-красного цвета ткань покрывала все ее тело с головы до ног. Такая же лента стягивала черные волосы.

– С детства, – ответил Дерк. На нем тоже был хамелеоновый комбинезон, чтобы быть менее заметным в лесу. – У меня был скутер на Авалоне. Очень хочется снова полетать. Когда-то у меня неплохо получалось.

– Тогда надевай, – сказала Гвен. – На них нельзя перемещаться очень далеко или очень быстро, но сейчас это и не нужно.

Она открыла багажник серой машины-ската, извлекла из него два серебристых свертка и две пары ботинок.

Дерк стал переобуваться, сидя на крыле машины. Пока он зашнуровывал ботинки, Гвен развернула скутеры – две платформы из тонкого, как лист бумаги, мягкого металла, такие маленькие, что на них едва могли поместиться обе ноги. На верхней стороне проступали контуры гравитационной решетки. Он ступил на платформу, осторожно поставил ноги в нужную позицию. Металлические подошвы его ботинок плотно закрепились на своих местах, платформа обрела твердость. Гвен вручила ему прибор управления. Дерк накинул ремешок прибора на запястье и крепко сжал его в ладони.

– Мы с Аркином пользуемся скутерами для осмотра лесов, – сообщила ему Гвен, завязывая шнурки на своих ботинках. – Аэромобиль, конечно, в десять раз быстрее, но трудно найти поляну достаточного размера для посадки. Скутеры удобны для мелкой работы, когда не надо брать много снаряжения и нет спешки. Гарс называет их игрушками, но... – она встала, ступила на платформу и улыбнулась. – Готов?

– Конечно! – отозвался Дерк и коснулся пальцами серебристой поверхности прибора на ладони правой руки. Касание оказалось слишком сильным. Платформа рванулась вперед и вверх, увлекая за собой его ноги, а тело опрокинулось. Дерк едва не ударился головой о крышу в момент, когда взмыл в воздух. Он продолжал подниматься в небо вверх ногами и дико хохотал.

Гвен последовала за ним, стоя на платформе с мастерством, приобретенным в результате длительной практики. Она поднималась в потоках сумеречного света, как мифический джинн, летящий на обрывке серебряного ковра-самолета. К тому времени как она догнала Дерка, он уже сумел вернуться в нормальное положение вверх головой, но все еще заваливался то вперед, то назад, изо всех сил стараясь сохранить равновесие. Скутеры не были оснащены гироскопами, как аэромобили.

– Уи-и-и-и-и!.. – закричал Дерк, когда Гвен приблизилась. Она подлетела к нему сзади и хлопнула по спине. Этого было достаточно, чтобы он снова потерял равновесие и бешено закувыркался в небе над Лартейном.

Гвен что-то кричала. Дерк взглянул вперед и понял, что вот-вот врежется в высокую башню из черного дерева. С помощью аппарата управления он рывком выпрямился, продолжая бороться с непослушным телом.

Он летел высоко над городом, стоя на платформе сравнительно прямо, когда она нагнала его.

– Держись от меня подальше! – пригрозил Дерк, улыбаясь во весь рот, чувствуя себя по-дурацки неуклюжим. Но ему было очень весело. – Только попробуй толкнуть меня еще раз, женщина! Сяду в летающий танк и уничтожу тебя лазерной пушкой!

Он накренился в одну сторону, выпрямился, но приложил слишком большое усилие и повалился в другую.

– Ты пьян! – старалась перекричать ветер Гвен. – Слишком много пива на завтрак! – теперь она была над ним, скрестив руки на груди, глядя на его старания с напускным неодобрением.

– Эти штуки более устойчивы, когда висишь на них вниз головой, – заметил Дерк.

Ему, наконец, удалось поймать равновесие, но по его вытянутым в стороны рукам было видно, с каким трудом он его удерживает.

Гвен скользнула вниз и полетела рядом с Дерком, двигаясь легко и уверенно, ее черные волосы развевались позади, как знамя.

– Как дела? – крикнула она.

– Думаю, что освоился! – провозгласил Дерк. Он все еще стоял на доске.

– Молодец! Посмотри вниз!

Он посмотрел, минуя взглядом ненадежную опору под ногами. Лартейн с его темными башнями и поблекшими улицами остался позади. Вместо него тянулся пологий спуск к Парку, который виднелся вдали в сумеречном свете дня. Дерк увидел реку, темной лентой петлявшую среди тускло-зеленых деревьев. У него закружилась голова, и, взмахнув руками, он снова перевернулся.

Пока он висел вниз головой, Гвен спустилась ниже его и с усмешкой снова скрестила руки на груди.

– Ты ни на что не годен, т'Лариен, – заявила она. – Почему ты не летишь головой вверх, как все нормальные люди?

Дерк открыл рот, чтобы сказать что-нибудь, но задохнулся и лишь соорудил в ответ гримасу. В конце концов ему удалось подняться. Ноги у него начали болеть от напряжения.

– Вот! – воскликнул он и смело посмотрел вниз, чтобы показать, что не боится высоты.

Гвен снова оказалась рядом с ним. Окинув его взглядом, она сказала:

– Ты позоришь детей Авалона и всех скутеристов вселенной. Но все же есть надежда, что сегодня ты останешься в живых. Ну, хочешь увидеть дикую природу?

– Показывай дорогу, Джинни!

– Тогда поворачивай. Нам надо в другую сторону. Мы должны перелететь через горы.

Она взяла его за руку. Описав в воздухе широкую дугу вверх и назад, они направились в сторону Лартейна. Город издали казался серым и невзрачным, а его знаменитые светящиеся камни, погашенные солнцем,

зияли черными дырами. Горы едва вырисовывались во мгле.

Они летели в сторону города, постоянно набирая высоту, пока не оказались над Огненной Крепостью на уровне горных вершин. Для воздушных скутеров это была предельная высота, хотя аэромобиль, конечно, мог бы подняться намного выше. Но для Дерка и этого было достаточно. Хамелеоновая ткань их одежды приняла серо-белую окраску. Держ с благодарностью подумал, как она хорошо греет: дул холодный ветер, день Уорлорна был ненамного теплее ночи.

Держась за руки и время от времени перекрикиваясь, они продолжали полет, наклоняясь то в ту, то в другую сторону в зависимости от ветра. Перевалив через горную вершину и плавно спустившись в темную скалистую долину, Гвен и Держ снова поднялись и миновали еще одну гору, затем еще одну. Они летели мимо острых зубцов зеленых и черных скал, мимо падавших с высоты потоков, мимо отвесных обрывов. Потом Гвен предложила ему состязание в скорости. Держ согласился, и они помчались вперед настолько быстро, насколько позволяли возможности скутеров и собственное умение, пока, наконец, Гвен не сжалась и, вернувшись к нему, снова не взяла его за руку.

Цепь гор обрывалась на западе столь же неожиданно, как поднималась на востоке, образуя высокий барьер, заслонявший лес у подножия от света восходящего Колеса.

– Спускаемся, – скомандовала Гвен.

Держ кивнул, и они начали медленный спуск к темно-зеленым лесным зарослям. К тому времени они находились в воздухе более часа. Держ сильно замерз, насквозь пронизанный холодным ветром Уорлорна. Все его тело протестовало против такого дурного обращения.

Они приземлились в лесу рядом с озером, которое заметили во время спуска. Гвен грациозно опустилась, описав в воздухе плавную дугу, и осталась стоять на заросшем мхом берегу у кромки воды. Опасаясь врезаться в землю и сломать йогу, Держ выключил двигатель чуть раньше, чем было нужно, и свалился с метровой высоты.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)